

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОДХОД

ЕДИННЫЙ ПРИНЦИП

ИНТЕРВЬЮ С ПОБЕДИТЕЛЕМ КОНКУРСА «ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ 2009» И.Л. ФОКИНЫМ ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ В ГЕРМАНИИ

«Во французской стороне, на чужой планете...» — приходят на память строки популярной некогда песенки, когда речь идет о получении качественного высшего образования. Почему же, несмотря на разнообразные возможности и предложения отечественных вузов, многие из талантливых российских выпускников школ, как и молодежь времен вагантов, продолжают наполнять аудитории старейших европейских университетов? Многогранную поддержку таким абитуриентам (как и аспирантам, изучением-исследованиям) оказывают некоммерческие организации через программы, инвестирующие не только в будущее своих стран, но и в процесс создания новой мировой интеллектуальной элиты в целом. Из многочисленных фондов, стипендиальных программ, проектов о сотрудничестве в области культуры и образования несомненно выделяется Германская служба академических обменов (DAAD), по линии которой проводил исследование наш собеседник, кандидат философских наук И.Л. Фокин, автор перевода лекций Ф.В.И. Шеллинга о методе университетского образования, отмеченный комиссией Санкт-Петербургского философского общества, которая наградила И.Л. Фокина почетным дипломом ежегодного конкурса «Вторая навигация 2009», недавно прошедшего в рамках Дней петербургской философии.

О проблемах системы высшего образования, имеющих вневременную актуальность, о подготовке кадров в отечественных вузах и о сегодняшнем дне университетов Германии и пойдет речь в нашем разговоре.

— Иван Леонидович, расскажите в нескольких словах о Вашей стажировке, о теме проведенного исследования: где она проходила?

— В середине августа, в разгар университетских каникул, когда в аудиториях никого нет, но библиотеки все-таки работают и в них занимаются отдельные студенты (либо отставшие, либо, наоборот, идущие немного впереди своих товарищей), я приехал по стипендии DAAD на стажировку в университет города Эрланген, расположенный в верхней части земли Бавария, в области Франкония, недалеко от Нюрнберга. Эрланген был основан еще в XIII веке, в 1528 году его население поддержало Реформацию Лютера, но через 100 лет, в разгар Тридцатилетней войны, город был основательно разрушен. Его возрождение началось лишь в конце XVII столетия, когда он принял под свою защиту большую часть гугеноттов — французских протестантов из католической Франции, спасшихся от преследований иезуитов. С 1823 по 1832 год в Эрлангене преподавал Шеллинг, какое-то время — также Фихте.

Здесь жил и творил известный физик Георг Ом. Сегодня из 100 тысяч жителей города 26 тысяч составляют студенты. Можно сказать, что Эрланген — наполовину студенческий городок.

Как тихий университетский городок Эрланген был известен вплоть до 1945 года, когда руководство концерна Siemens приняло решение о переезде туда, так как город почти не пострадал во время Второй мировой войны. С этих пор другую половину города представляют многочисленные сотрудники концерна.

— Каковы были условия для Вашей работы?

— Самые благоприятные. Получая стипендию около 1700 евро в месяц, за 240 евро я снимал отдельный номер в небольшом двухэтажном домике студенческого городка на окраине Эрлангена, недалеко от леса. Городок совсем новый, построен на средства концерна Volkswagen для технических факультетов университета. Так получилось, что я жил среди технических факультетов, через дорогу от студенческой столовой, что помогло мне лучше понять университетскую жизнь в целом. Кстати, расположение новых технических факультетов очень сильно напоминает наш петергофский университетский анклав.

— Актуальность взглядов Шеллинга на сущность системы университетского (универсального) образования после прочтения «Лекций» не вызывает никакого сомнения. Можно ли сказать, что «дух Шеллинга» по содержанию сохранился в современных немецких университетах?

— Если говорить об универсальной науке, то дух «Лекций о методе университетского образования» Шеллинга полностью «сохранившимся», я, к сожалению, в современных немецких университетах не встретил. Боюсь, что ни Шеллинг, ни Фихте, ни Штеффенс, ни Александр фон Гумбольдт не узнали бы подчас своих духовных истоков в современных университетах федеративной республики. Наверное, лишь Кант с его знаменитым «Спором факультетов» мог бы гордиться многими своими предсказаниями и идеями прагматической университетской установки. Это, кстати, отчасти относится и к нашей отечественной университетской системе с ее необъяснимым принципом деления на корпорации-факультеты, внутренне не связанные друг с другом. Что же касается философского образования, в немецких университетах всегда где-нибудь сохранялось несколько духовных «оазисов», так что даже в самые мрачные времена политика знала свои границы и не слишком лезла со своим идеологическим ярмом в метафизическую сферу абсолютной Идеи. Отсюда,

кстати, феномен популярности у нас «нацистского» философа Хайдеггера, именем которого сегодня жонглирует большинство российских профессиональных философов.

— На Ваш взгляд, отличие нашего университетского образования от немецкого все-таки можно устранить посредством простого «реформирования»? Или лучшая подготовка специалистов в немецких университетах происходит не только за счет организации?

— Я думаю, за счет того, что Кант называл «дисциплиной разума». Из нее, на мой взгляд, и следует организация всего учебного процесса. Это относится и к уровню семинарских занятий, и к библиотечной подготовке, и к системе оценок. Внутреннее всегда и во всем, тем более в сфере образования, является решающим фактором духовной деятельности. Но вот простой пример. Осенью 1995 года, впервые оказавшись в Мюнхенском университете, я изумился, что для посещения семинара по теме гегелевской «Философии духа» местная университетская библиотека предоставила около полусотни экземпляров книги Гегеля для студентов. То же самое необходимое количество экземпляров было по всем классическим произведениям Канта, Фихте, Шеллинга и т.д. Как это не было похоже на нашу библиотечную политику при отечественном дефиците философской литературы в тогдашней книготорговле! Ведь вплоть до появления Интернета студенту философского факультета могли предложить, скажем, лишь один экземпляр «Критики чистого разума» Канта в читальном зале. Один на весь философский факультет...

— Вы полагаете, что причина этого положения лежала в отсутствии вышеупомянутой «дисциплины разума»?

— Безусловно. Хотя «дисциплина» присутствовала, как и во всем советском обществе. Ведь давали же нам книги того же Маркса и учебники заслуженных академиков. Даже сегодня, несмотря на библиотечные ресурсы Интернета (которые, кстати, тоже не следует преувеличивать, достаточно зайти в «электронную библиотеку» на сайте того же философского факультета СПбГУ), я глубоко убежден, что студентов философского факультета можно и нужно обеспечивать «реальными» сборниками Платона, Аристотеля, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Тем более что теперь книги можно издавать самому факультету. При нынешней плате за обучение — а сегодня около 80 процентов студентов гуманитарных факультетов учатся на коммерческих отделениях и платят (скажем, на филологическом или философском факультетах СПбГУ) до 60 тысяч рублей за семестр — это

Вид на гугеноттскую реформатскую церковь Эрлангена из-под современного мегамаркета.

Улица к главной библиотеке Эрлангенского университета.

Начало учебного года в Мюнхенском университете.

Теологический университет.

предложение вовсе не выглядит «утопичным».

— Но кто и по какому критерию будет отбирать «нужные» книги?

— Я говорю, конечно, о книгах, которые должны быть на книжной полке каждого студента. Во всякой науке существуют такие книги авторитетных ученых. Например, студентам философии, политологии, юриспруденции, необходимо иметь «Государство» Платона, «Политику» Аристотеля, «Философию права» Гегеля, «Дух законов» Монтескье, студентам-историкам — сочинения Геродота и Фукидида, филологи должны все иметь знаменитый труд В. фон Гумбольдта «О всеобщем организме языка», и так далее по всем факультетам.

— Вы сами обучались в ЛГУ в 80-х годах, в советское время, и после того много лет преподаете философию. Что бы Вы отметили в качестве коренного отличия (исключая идеологическую составляющую) в методике преподавания и содержании курсов философии на философском факультете тогда и сейчас?

— Вопрос очень сложный. Вы говорите, в чем состояло коренное отличие, исключая идеологию... Но марксистско-ленинская идеология и составляет, по моему глубокому убеждению, это коренное отличие! Сколько талантливых молодых голов свернули фантастические авторитеты Маркса-Энгельса-Ленина, эти «философы», не создавшие ни одного собственно философского произведения! Если за две с половиной тысячи лет философия дошла до высоких откровений о подлинной субстанциальной основе Вселенной и человека, до глубочайших философских мыслей, как и во всякой другой науке непосредственно недоступных никакому «общественному мнению», до гениального сознания того, что

все действительно разумно, то на протяжении всего советского периода негласным лозунгом в наших университетах уже было «все действительно — идеологично», в смысле марксизма. Это извращение философии было проведено в Советской России настолько жестоко, грубо и беспощадно, что еще и сегодня, пожалуй, об этом нельзя говорить как о «коренном отличии» в преподавании философии тогда и сейчас. Поэтому на Ваш вопрос я ответил бы так: сегодня мы немного приблизились к пониманию философии не как мировоззрения или идеологии, но как Науки.

— Ваше новое исследование направлено на изучение творчества Якоба Бёме. Это логическое продолжение интереса к наследию Шеллинга?

— Тема моего исследования совершенно не затронута в отечественной философии, она касается родоначальника и «проевangelиста» немецкого идеализма, первого немецкого философа Якоба Бёме. Его философия носит еще богословский характер, поэтому ее часто называют «теософия», то есть «мудрость Божия». В дореволюционной России до нее просто не успели дойти, а в советские времена рассуждать на тему религиозных основ немецкого идеализма никому не приходило в голову. Остановились как вкопанные на «рациональном зерне» гегелевской диалектики, дальше этого мысль не шла. Поэтому не следует «пугаться», что моя научная стажировка проходила именно на теологическом факультете.

— В отечественной системе высшего образования отсутствуют теологические факультеты. Богословие как специализация изучается в негосударственных высших учебных заведениях (например, в РХГА) или в духовных академиях. Можно ли сказать,

ебного года в коридорах
ого университета.

ский факультет Эрланген-
ерситета.

Чешские молодые ученые Мартин Новотны и Ян Крнат со своими книгами о Иоганне Таулере и Николае Бердяеве.

С коллегами из пражского университета в университетской пивной Gaudeamus.

что по содержанию образовательных курсов теологических факультетов немецких и философские факультеты российских университетов близки (идентичны)?

— Надо сказать, что вопросы теологии, тесно связанные с историей христианства, служили и служат основным содержанием многих философских исследований не только в Германии: достаточно вспомнить, как даже в советское время мы все изучали работы о религии Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте, Шлегеля, Шлейермахера, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха, Энгельса, Штрауса, позднее — Серёна Кьеркегора, Рудольфа Бульмана и других философов-теологов, современных или вновь открытых и переведенных впервые на русский язык (например, Шеллинга «позднего» периода, а «Лекциями по философии» открытия) (1841) которого мы познакомились благодаря переводу на русский лишь в 2000 году). Я упоминаю об этом, чтобы показать, что хотя de jure в СПбГУ нет теологического факультета, но de facto теология всегда занималась на факультете философском. Что касается Эрлангенского университета, то его теологический факультет занимает в своем сегменте образования третью строку после протестантских теологических школ университетов Тюбингена и Гейдельберга, расположенных в соседней земле Баден-Вюртемберг. Теологический факультет готовит будущих пасторов и теологов, миссионеров и проповедников, являясь, по сути, тем же, что и наша Санкт-Петербургская духовная академия, только при такой же отделенности церкви от государства (в Германии с 1919 года) теологии все-таки «нашлось» место и в германском университете. Здесь мы опять чего-то недоумываем, ведь наука в своих исследованиях также должна быть отделена и

независима от государства, как и религия. Разумеется, плоская мысль нашего времени тут же заговорит о «государственном финансировании» и т.д. Но в Германии финансирование отделено от государства церкви также происходит из государственного бюджета! Более того, познакомившись в Эрлангене с коллегами из Пражского университета, я с удивлением узнал, что, оказывается, чешская католическая церковь (также отделенная от государства) всегда финансировалась из государственного бюджета, даже во времена правления коммунистической партии в ЧССР! Согласитесь, все это как-то не очень соотнобразуется с нашими традиционными представлениями о пресловутом «отделении церкви от государства». Да и последние реформы в сфере школьного образования указывают на взаимную связь нравственности и религии. Как сказал Гегель, «если в народе господствуют неверные представления о религии и о Боге, то у него неизбежно будут плохие законы и плохое правительство». Конечно, глядя на нашу школьную реформу, можно пошутить, что если только в четвертом классе изучать основы религии, то представления о правительстве и законах будут в народе соответствовать представлениям четвероклассников; но, тем не менее, «процесс пошел».

— Что, на Ваш взгляд, мешает курсу общей философии на нефилософских факультетах из «навязанного, ненужного предмета», зачастую отрицаемого студентами, превратиться в «науку всех наук». Только ли в личности преподавателей дело?

— Конечно, дело заключается именно в личности преподавателя. Особенно это касается преподавателя философии на нефилософских факультетах. Умное, вдумчивое представление

философии всегда способствует уважению к ней, пусть даже речь идет об эклектичном изложении различных систем. Главное, чтобы это изложение не было слишком внешним, но соответствовало пониманию самого излагающего. Тем не менее, этого все-таки не всегда достаточно. Бывают эпохи, когда философия настолько дискредитирована и извращена эпохой предшествующей, что требуются, возможно, десятилетия, чтобы появилась простая возможность ее непредвзятого изложения. Нам всегда следует учитывать историческую специфику отечественного преподавания философии, столько лет заключающуюся в вышеупомянутом «вероисповедании» диалектического материализма. Отсюда и «отрицание» философии. Не следует также забывать и то, что первые во всех отношениях авторитетные представления о философии и науке как таковой студенты нефилософских факультетов получают прежде всего от преподавателей своих «нефилософских» предметов. Понятно почему, скажем, шестидесятилетний профессор химии или истории питает благородное «отвращение» к философии. Я уже не говорю о людях искусства в художественных вузах. Таковы издержки перехода от слепого всеобщего обязательного догматизма к чему-то подлинному и еще не рожденному для отставшей и заброшенной «гуманитарной» сферы. Наверное, отсюда и происходит эклектика нашего сегодняшнего философского образования. В самом деле, кто сегодня ответит на вопрос: какая философия является научной нормой при сдаче госэкзамена, скажем, на тех же естественных факультетах? А если нет единой научной нормы, то по какому критерию можно оценивать знания? Вот и получается, что здесь главное — выучить двадцать различных философских точек зрения, оставаясь равнодушным к каждой из них. Но философия меньше всего призвана к распространению равнодушия!

— Западный университет как система имеет истоком богословскую традицию. Сохранилось ли это базовое отличие в современных немецких университетах?

— Теология в немецком образовании мыслится необходимой наукой в универсальной системе образования. Уже со времен Лейбница и Фихте она прочно входит в виде нравственной составляющей в научную деятельность всех немецких ученых. Поэтому, я полагаю, не будет преувеличением утверждать, что университетская наука в Германии до сих пор не лишена своих нравственно-религиозных корней, особенно наука из разряда духовных (у нас они называются «гуманитарными») понимается в Германии почти как личное вероисповедание. Иногда даже больше: как пророчество и проповедь самого Духа (духовная наука, Geisteswissenschaft).

— Ваше самое яркое впечатление от посещения теологического факультета университета Эрланген?

— Наверное, это и составляет самое главное впечатление от немецкого университетского теологического образования — теология совершенно не оторвана от основного принципа университетской

науки, равно как и от остальных наук, не только «гуманитарных». Достаточно познакомиться со статьей «О ценности религии» физика Вернера Гейзенберга, написанной им в 1977 году. Может быть, поэтому в немецких университетах абсолютно незнакомо понятие «взятки». В самом деле, как потом преподавать, что передавать, если образование подчинено деньгам в виде простого «товара». В Германии взятки полностью исключены, недостатки университетской жизни менее всего там связаны с коррупцией.

— На мой взгляд, общественно-политическая и университетская жизнь в Германии развиваются в неразрывной связи. В середине 90-х годов прошлого века я проходила стажировку в Германии, в университете г. Билефельд. Одним из ярких впечатлений стали многочисленные офисы различных юношеских объединений, союзов, ассоциаций и молодежных подразделений действующих политических партий, расположенные на территории университета, органично визуально вплетенные в лабиринты аудиторий и кафедральных помещений. Как Вы оцениваете сегодняшнее положение университетов в Германии в политической жизни страны? Студенчество в политике играет пассивную или активную роль?

— Если говорить о сегодняшней политической жизни и, соответственно, об отношении немецкого студенчества к внутренней социальной политике канцлера и правительства ФРГ, то, наверное, они не особенно отличаются от общего, не совсем характерного для Германии пассивного фона общественной политической жизни. Моя стажировка пришлась как раз на момент всеобщих парламентских выборов, которые, согласно германскому законодательству, являются одновременно выборами канцлера (поскольку канцлера или канцлершу в Германии выбирает не народ, а партийно-коалиционное большинство в Бундестаге). Так вот, в Германии все политические аналитики отмечали необычайную пассивность немецких граждан, что выразилось в рекордно низкой явке на избирательные участки 27 сентября. «Мы устали от этого театра, — так приблизительно выразилась одна женщина в открытой радиопередаче того периода, — нас, видимо, принимают за слабоумных, обещая радужные перспективы новых коалиций. Но мы сыты по горло этими междоусобными коалициями!» В самом деле, немецкий народ — один из самых просвещенных и образованных среди современных европейских народов, и если он «голосует ногами», это указывает не на его политическую «апатию» или «пассивность», но, скорее, на неспособность дискредитировавших себя партий заинтересовать его своими программами.

— Университетское образование в Германии, в отличие от России, все-таки оставалось на высоте Духа Знания благодаря его бесплатности. Это большая нагрузка на бюджет страны, особенно в условиях экономического кризиса. Тем не менее, недавно по стране прокатилась волна студенчес-

ких волнений. С чем они были связаны?

— Буквально с этого года в университетах Германии было введено платное образование для части студентов — 500 евро за семестр. Но действительно, это официальное постановление вызвало бурю возмущения студентов по всей стране при поддержке преподавателей. Это, пожалуй, еще одно яркое наблюдение: студенты и преподаватели в немецких университетах живут едиными интересами и проявляют взаимную солидарность, когда речь идет об угрозе академической свободе в той или иной форме. К сожалению, за несколько месяцев работы с источниками по теме своего исследования (я, в основном, проводил время, занимаясь в университетских библиотеках) я просто не успел полностью познакомиться с университетом и его проблемами.

— Что, на Ваш взгляд, из идей Шеллинга необходимо реализовать в содержании университетского образования в нашей стране для того, чтобы российские университеты стали так же привлекательны для талантливой молодежи, как и европейские?

— Здесь следует разделить задачу университетского образования на ее внутреннюю и внешнюю составляющие, хотя они и связаны. Что касается внутренней задачи реформы российского университета, то, на мой взгляд, надо начать с реформации официальной философской науки. Ибо именно философия является «царицей всех наук», только она может дать всеобщее основание университетской Прануке, поскольку и само понятие «научности» выражает, в конечном итоге, именно философское отношение. Формально это всеми бессознательно признается, на каждом факультете студенты в конце своего обучения до сих пор обязаны сдавать «госэкзамен» по философии. Я не могу здесь подробно коснуться отношения философии ко всем частным наукам, но мне кажется, что всем наукам, «техническим» и «гуманитарным» (природным и человеческим, естественным и духовным), надо, наконец, признать, что именно философия занимается их всеобщей естественной и духовной Субстанцией. В Германии есть даже такая университетская дисциплина — ходегетика, которая на философских основаниях занимается как раз проблемами выведения всех наук из науки всеобщей универсальной. Что же касается внешней составляющей насущной реформы современного отечественного университета, то помимо чисто материальной стороны она относится, в основном, к гуманитарным факультетам. Поэтому реформацию я бы начал с принципиально нового образования, с воплощения подлинного образа университетского идеала. Может быть, здесь следует начать со строительства нового «Гуманитарного Петергофа», органически основанного на едином внутреннем принципе университетской идеи, объединяющей исторический, юридический, теологический, психологический, филологический, искусствоведческий и философский факультеты.

Беседовала Светлана КОЛОДЯЖНАЯ-ШЕРЕМЕТЬЕВА